

«Certes, ils préfèrent que je ne voie pas certaines choses. Mais ce qu'il ne faut surtout pas, c'est que je leur en raconte d'autres».

«— Vous direz tout?

— Et vous?

— J'essaierai. Si je n'y parviens pas, je m'en voudrais toute ma vie».

«Peuples qui on fait», 1934

«Конечно, все предпочитают, чтобы я не видел некоторых вещей. Но последнее, что я должен делать, так это молчать о них».

«— Ты все расскажешь?

— А вы?

— Я попробую. И если не смогу, то буду винить себя до конца жизни».

«Люди, которые голодны», 1934

1

Учитель в чистилище

Бывают образы, которые врезаются в память бессознательно, с фотографической точностью. А гораздо позднее мы, отыскав их среди прочих, задумчиво почесываем затылок, напряженно думая, где мы их видели.

После стольких лет службы Мегрэ уже чисто автоматически поднимался по крутой пыльной лестнице здания криминальной полиции, как всегда немного задыхаясь. На минуту он остановился и машинально взглянул на стеклянную клетку, служившую залом ожидания, которую одни называли аквариумом, а другие — чистилищем. Возможно, все сотрудники поступали аналогичным образом, и это превратилось в своего рода профессиональный ритуал.

Даже когда, как и этим утром, яркое, веселое, как ландыши, солнце заливало своим светом Париж и заставляло блестеть розовые колпаки на верхушках каминных труб, лампа в чистилище,

где не было окон и куда свет проникал только из бескрайнего коридора, горела весь день.

Иногда на креслах и стульях, обитых зеленым бархатом, сидели типы с более или менее бандитскими рожами — старые клиенты, которых какой-нибудь инспектор задержал ночью и которые теперь дожидались, когда их вызовут на допрос, — или осведомители, свидетели, получившие повестку накануне и теперь поднимавшие голову всякий раз, когда кто-нибудь проходил мимо.

По какой-то непонятной причине здесь в черных рамках на золотистых шнурах висели фотографии полицейских, погибших на боевом посту.

Через чистилище проходили и другие персонажи — мужчины и женщины, принадлежащие к так называемому свету. Они сначала стояли, как бы ожидая, что их вызовут с минуты на минуту, словно зашли сюда просто так, на огонек. Через более или менее продолжительное время они подходили к стулу, на который в конце концов садились. Нередко случалось, что часа через три их снова видели ушедшими в себя, с поблекшим взглядом, потерявшими чувство своей общественной значимости.

В то утро в чистилище сидел один мужчина. Мегрэ заметил, что он принадлежал к типу, кото-

рый в полиции обычно называли «крысиная морда». Мужчина был худым. Над высоким лбом с залысинами возвышался клок рыжеватых волос. У него были голубые глаза, а нос казался еще более острым, поскольку подбородок был немного скошенным.

Везде, начиная со школы, можно было встретить подобных индивидуумов. Бог знает почему, но их никогда не принимали всерьез.

Мегрэ практически не обратил на него внимания. Если бы в тот момент, когда он открывал дверь своего кабинета, его спросили, кто находится в зале ожидания, он не нашелся бы, что ответить. Было без пяти минут девять. Окно распахнуто настежь, и над Сенной поднимался легкий золотистоголубой пар. Впервые в наступившем году Мегрэ надел демисезонное пальто, однако воздух оставался еще прохладным: тот самый воздух, который хотелось пить, словно выдержанное белое вино, и который так приятно освежал лицо.

Снимая шляпу, Мегрэ взглянул на визитную карточку, лежавшую на столе. Чернила были бледными: *Жозеф Гастен, школьный учитель*. В правом углу такими мелкими буквами, что комиссару пришлось нагнуться, было выведено: *Сент-Андре-сюр-Мер*.

Мегрэ не провел никакой связи между визитной карточкой и человеком с крысиной мордой.

Он только спросил себя, где слышал о Сент-Андре-сюр-Мер. Раздавшийся в коридоре звонок сзывал всех на совещание у начальника. Мегрэ снял пальто, взял папку, которую приготовил накануне, и, как уже много лет подряд, направился в кабинет шефа. По дороге он встретил других комиссаров. В глазах у них он читал то же выражение, что и у прохожих на улице.

— Наконец-то настала весна!

— Можно и так сказать!

— Сегодня будет замечательный день.

В большие окна кабинета директора, словно в окна деревенской церкви, лился солнечный свет; сидя на каменном выступе, ворковали голуби.

И все, потирая руки, повторяли:

— Наступила весна.

Всем им перевалило за сорок пять лет. Дела, которыми им предстояло заниматься, были серьезными, даже мрачными. Тем не менее они радовались, словно дети, неожиданно потеплевшему воздуху и, главное, солнечному свету, заливавшему город и превращавшему улицы, фасады, крыши, машины, проезжавшие по мосту Сен-Мишель, в картины, которые так и хотелось повесить у себя дома.

— Мегрэ, вы уже говорили с заместителем директора агентства с улицы Риволи?

— Я встречаюсь с ним через полчаса.

Дело, не имевшее никакой важности. Неделя выдалась практически пустой. Заместитель директора банковского агентства с улицы Риволи, в двух шагах от Центрального рынка, подзревал одного из своих служащих в мошенничестве.

Мегрэ, сидя напротив окна, набил трубку. Его коллега из отдела общей информации обсуждал с шефом другое дело. Потом речь зашла о дочери сенатора, попавшей в щекотливое положение.

Вернувшись в свой кабинет, Мегрэ увидел, что его дожидается Люка. Инспектор уже надел шляпу, поскольку должен был сопровождать комиссара на улицу Риволи.

— Пойдем пешком?

Все было готово. Мегрэ забыл о визитной карточке. Проходя мимо чистилища, он вновь увидел крысиную морду, а также двух-трех других клиентов, среди которых был содержатель ночного заведения, которого сразу же узнал. Того вызвали в связи с инцидентом, произошедшим с дочерью сенатора.

Они добрались до Нового моста. Мегрэ шагал широко. Люка, у которого были короткие ноги, приходилось быстро семенить, чтобы не отстать. Потом они не смогли бы вспомнить, о чем говорили. Возможно, они довольствовались тем, что

просто смотрели по сторонам. На улице Риволи воздух наполнился крепким запахом свежих овощей и фруктов. Грузовики везли их в деревянных ящиках и корзинах.

Они вошли в банк, выслушали объяснения заместителя директора и обошли помещения, украдкой наблюдая за служащим, который попал под подозрение.

Поскольку никаких веских доказательств не было, они решили расставить ему ловушку. Обсудив все детали, они пожали друг другу руки. Мегрэ и Люка вышли на улицу. Воздух был таким теплым, что они не стали надевать пальто, что придало им вид отдыхающих.

На площади Дофина они остановились, словно по обоюдному согласию.

— Не зайти ли нам выпить по стаканчику?

Время аперитива еще не наступило, но им казалось, что вкус перно́* как нельзя лучше гармонировал с весенней обстановкой, и они вошли в пивной ресторан «У Дофина».

— Два перно́, и побыстрее!

— Слушай, ты знаешь, где находится Сент-Андре-сюр-Мер?

---

* Перно́ (фр. Pernod) — марка анисовой настойки, выпускаемая компанией Pernod Ricard. — *Прим. пер.*

— Кажется, это где-то в Шаранте.

Это напомнило Мегрэ солнечный пляж в Фурра, устрицы, которые он там ел в половине одиннадцатого утра, запивая их местным белым вином, и песчинки на дне бутылки.

— Как ты думаешь, служащий жульничает?

— Похоже, заместитель директора в этом уверен.

— Вид этого служащего не внушает мне доверия.

— Мы все выясним через два-три дня.

Они миновали набережную Орфевр. Поднявшись по большой лестнице, Мегрэ снова оставался. «Крысиная морда» по-прежнему сидел в чистилище, наклонившись вперед и положив длинные костистые руки на колени. Мужчина посмотрел на комиссара. Мегрэ показалось, что он заметил в этом взгляде упрек.

Войдя в кабинет, Мегрэ нашел визитную карточку и вызвал дежурного.

— Он все еще здесь?

— С восьми часов утра сидит. Он пришел раньше меня. И настаивает на том, чтобы встретиться лично с вами.

Множество людей, особенно сумасшедших и полубезумных, хотели говорить только с директором или Мегрэ, имя которого часто упоминалось в газетах. Они отказывались иметь дело

с инспекторами. Некоторые могли прождать целый день и возвратиться на следующее утро. Они с надеждой вставали каждый раз, когда комиссар проходил мимо, а затем покорно садились и снова ждали.

— Пусть войдет.

Комиссар расположился за столом, набил трубку и знаком пригласил вошедшего мужчину сесть напротив. Держа визитную карточку в руке, он спросил:

— Жозеф Гастен. Это вы?

Увидев мужчину вблизи, комиссар понял, что тот, вероятно, не спал всю ночь, поскольку у него были покрасневшие веки, серый цвет лица и чересчур блестящие глаза. Мужчина скрестил руки, как и в зале ожидания. Пальцы его захрустели.

Вместо ответа он прошептал, тревожно и вместе с тем смиренно взглянув на комиссара:

— Вы уже знаете?

— Что я должен знать?

Казалось, мужчина удивился, смутился и, возможно, лишился последних иллюзий.

— Я полагал, что здесь уже обо всем известно. Я уехал из Сент-Андре вчера вечером. К нам приехал репортер. Я сел на поезд, отправлявшийся в восемь часов, и сразу же примчался сюда.

— Почему?

Посетитель явно был интеллектуалом. Но казался до того растерянным, что не знал, с чего начать свой рассказ. Мегрэ подавлял его своим видом. Комиссар догадывался, что мужчине хорошо известна его репутация и он, как и многие другие, видит в нем Бога-Отца.

До этой аудиенции учителю все казалось достаточно простым. Теперь же перед ним сидел живой человек, который маленькими затылками курил трубку и почти равнодушно смотрел на него своими большими глазами.

Соответствовал ли Мегрэ тому образу, который создал себе мужчина? Не начал ли он жалеть, что приехал сюда?

— Они, должно быть, говорят, что я сбежал, — нервно сказал мужчина, горько улыбаясь. — Но если бы я был виновен, в чем они убеждены, если бы вознамерился бежать, разве я был бы сейчас здесь?

— Мне трудно ответить на ваш вопрос, поскольку я ничего не знаю, — пробормотал Мегрэ. — В чем вас обвиняют?

— В том, что я убил Леони Бирар.

— Кто вас обвиняет?

— Вся деревня, более или менее открыто. Лейтенант жандармерии не осмелился меня арестовать. Он честно сказал, что ему не хватает доказательств, но попросил меня не уезжать далеко...

— Тем не менее вы уехали.

— Да.

— Почему?

Посетитель был слишком взвинчен, чтобы спокойно сидеть. Он резко встал, пробормотав:

— Вы позволите?

Мужчина не знал, куда себя деть, как держаться.

— Иногда я спрашиваю себя: что со мной?

Достав из кармана носовой платок сомнительной чистоты, он вытер им лоб. Вероятно, носовой платок пах поездом, да и потом тоже.

— Вы завтракали?

— Нет. Я хотел как можно быстрее попасть сюда. Я не хотел, чтобы до этого меня арестовали. Вы понимаете меня?

Но как Мегрэ мог его понять?

— Объясните толком, почему вы решили приехать ко мне.

— Потому что я верю вам. Я знаю, что вы, если захотите, установите правду.

— Когда эта дама... Как ее зовут?..

— Леони Бирар. Это бывшая служащая нашей почты.

— Когда она умерла?

— Ее убили во вторник утром. Позавчера. Чуть позже десяти часов.

— И вас обвинили в преступлении?

— Вы ведь родились в деревне, я читал об этом в одном иллюстрированном журнале... И провели там большую часть вашей юности. Значит, вы знаете, как обстоят дела в небольшом поселке. В Сент-Андре насчитывается лишь 320 жителей...

— Одну минуточку. Преступление, о котором вы говорите, было совершено в Шаранте?

— Да. Километрах в пятнадцати к северо-западу от Ла-Рошели, недалеко от мыса Эгийон. Вы знаете это место?

— Немного. Но все дело в том, что я служу в криминальной полиции Парижа, и моя юрисдикция не распространяется на Шаранту.

— Я думал об этом.

— В таком случае...

Мужчина надел свой лучший костюм, который помялся в дороге. Воротник рубашки был потертым. Он стоял посреди кабинета, опустив голову, разглядывая ковер.

— Разумеется... — вздохнул он.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я ошибся. Теперь уж я и не знаю. Мне это казалось таким естественным.

— Что именно?

— Приехать сюда, чтобы вы взяли меня под свое покровительство.

— Под свое покровительство? — повторил удивленный Мегрэ.

Гастен стоял перед комиссаром с видом человека, который спрашивает себя: «Что происходит? Где я нахожусь?»

— Там, если меня даже не арестуют, они сыграют со мной злую шутку.

— Они вас не любят.

— Нет, не любят.

— Почему?

— Во-первых, потому что я учитель и еще секретарь мэрии.

— Ничего не понимаю.

— Вы давно уехали из деревни. У них есть деньги. Они либо фермеры, либо разводят устриц и мидий. Вы знаете, что такое садки?

— Плантации устриц и мидий, устроенные вдоль берега?

— Да. Мы живем в краю мидий и устриц. У всех есть хотя бы небольшой участок. Это очень прибыльное дело. Они богаты. Почти у всех есть машина или грузовичок. И знаете, сколько из них платят подоходный налог?

— Полагаю, немногие.

— Никто! В нашей деревне платят налоги только доктор и я. Разумеется, меня они считают бездельником... Они воображают, будто это они меня содержат. Когда я возмущаюсь, что дети

пропускают уроки, они отвечают, чтобы я не вмешивался не в свои дела. Когда я потребовал, чтобы ученики здоровались со мной на улице, они заявили, что я вообразил себя префектом...

— Расскажите мне о деле Леони Бирар.

— Вы действительно этого хотите?

Взгляд мужчины, в котором возродилась надежда, вновь обрел твердость. Гастен решил сесть и заставил себя говорить не спеша. Однако от сильных эмоций его голос дрожал.

— Прежде всего вам необходимо знать расположение деревни. Это трудно объяснить... Как и почти везде, школа находится позади мэрии. Там я и живу, по другую сторону двора. У меня есть небольшой огород. Позавчера, во вторник, примерно в такое же время, стоял настоящий весенний день. Был квадратурный прилив...

— Это важно?

— При квадратурных приливах, то есть при приливах со слабой амплитудой, никто не собирает мидий и устриц. Понимаете?

— Да.

— За школьным двором простираются сады, куда выходят задние фасады нескольких домов, в том числе задний фасад дома Леони Бирар.

— Сколько лет было этой женщине?

— Шестьдесят шесть. Как секретарь мэрии я знаю возраст всех жителей деревни.

— Конечно, конечно.

— Восемь лет назад она вышла на пенсию по болезни. Она перестала выходить из дома, передвигается, опираясь на палочку. Она злая женщина.

— И в чем это проявляется?

— Она ненавидит весь мир.

— Почему?

— Не знаю... Она никогда не была замужем. У нее есть племянница, которая очень долго жила с ней, а потом вышла замуж за Жюльена, жестящика, который в то же время занимает должность полевого сторожа...

В другой день подобные истории, возможно, навяли бы на Мегрэ скуку. Но в то утро, когда солнце ярким светом через окно заливало комнату и приносило с собой весеннее тепло, когда трубка приобрела какой-то новый вкус, комиссар слушал посетителя с улыбкой на губах. Звучавшие слова напоминали ему другую деревню, где тоже разыгрывались драмы, в которых принимали участие работница почты, школьный учитель и полевой сторож.

— Женщины больше не виделись, поскольку Леони не хотела, чтобы племянница выходила замуж. Она не хочет видеть и доктора Бреселя, поскольку обвиняет его в том, что тот пытался ее отравить своими лекарствами...

— Он действительно пытался ее отравить?

— Разумеется нет! Я просто хочу, чтобы вы поняли, какая это женщина... Вернее, была... Когда она работала начальницей почтового отделения, она прослушивала все телефонные разговоры, читала почтовые открытки. Таким образом, она знала секреты всех и каждого. Ей было нетрудно настраивать людей друг против друга. Большинство ссор между родными или соседями происходили именно по ее вине.

— Итак, ее не любили.

— Конечно нет.

— В таком случае...

Казалось, Мегрэ говорил, что все становится простым, что с того момента, когда женщина, которую все ненавидели, умерла, каждый должен был бы радоваться.

— Только и меня они не любят...

— Из-за того, о чем вы мне рассказали?

— И из-за этого, и из-за другого. Я не местный. Я родился в Париже, на улице Коленкур, в Восемнадцатом округе, а моя жена — с улицы Ламарк.

— Ваша жена живет с вами в Сент-Андре?

— Мы живем вместе с нашим сыном, которому недавно исполнилось тринадцать лет.

— Он ходит в вашу школу?

— Другой школы просто нет поблизости.

Содержание

1. Учитель в чистилище	5
2. Служанка из «Приятного уголка»	33
3. Любовница Шевасу	60
4. Письма почтовой служащей	88
5. Марсель лжет	115
6. Похороны почтовой служащей	142
7. Всепрощенчество доктора	170
8. Подкова Леони	194